

РЕЦЕНЗИИ

E. Velmezova. Les lois du sens: la sémantique marriste. Slavica Helvetica. V. 77. Peter Lang. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York; Oxford; Wien, 2007. 400 p.

Екатерина Вельмезова – выпускница филологического факультета МГУ, в настоящее время преподает в Лозаннском университете (Швейцария). Ее книга посвящена «новому учению о языке» академика Н.Я. Марра, прежде всего, трактовке в нем вопросов семантики. Детально описаны истоки семантических идей Марра, на фоне семантики начала XX в. рассмотрены построения Марра, большое внимание уделено дальнейшему развитию семантических исследований у учеников Марра, особенно В.И. Абаева.

Многое в книге привлекает. Это не только первая серьезная монография о Марре на французском языке (книга ныне покойного Р. Лермита [L'Hermitte 1987] более публицистична, чем научна), но и, по-видимому, самая большая по объему и величине информации книга о Марре вообще. Как справедливо указывает Е. Вельмезова (с. 32 и др.), до сих пор за рубежом, в том числе в странах французского языка, знания о Марре и марризме недостаточны: сочинения самого Марра почти не переводились, а работ о нем немного. В книге введены в оборот многие архивные документы; прежде всего, исследован совершенно не изучавшийся с 40-х гг. обширный фонд Марра в архиве РАН в Санкт-Петербурге. Особенно хотелось бы отметить вводимые в научный оборот материалы по истории марровского аналитического алфавита (с. 272) и оценку Марра у А. Мейе (с. 246–247), к которой мы еще вернемся. Очень внимательно изучен и пятитомник избранных трудов Марра [Marr 1933–1937], само чтение которого – тяжелый труд. Также проанализированы редко привлекаемые издания вроде «Русского языка в школе», дающие представления об интерпретациях учения Марра, предназначенных для широкого читателя.

Ряд разделов книги имеет самостоятельную значимость. Очень ценен обзор семантики XIX – начала XX в. (с. 76–99), где убедительно показано, что здесь велись интерес-

ные и значительные исследования, часто недооцененные. Особенно хочется отметить содержательный анализ идей первого русского видного специалиста по семантике М.М. Покровского. Семантика тех лет, как и вся тогдашняя университетская и академическая наука, имела исторический уклон, и надо сказать, что историческая семантика с тех пор не очень ушла вперед. В то же время ученым, ей занимавшимся, трудно было опереться на синхронный анализ, на который (скорее неосознанно) они опирались в области грамматики и фонетики. Поэтому Марр, говоря о существовании в «старой науке» законов фонетики и отсутствии законов семантики [Marr 1933–1937, III: 103], был отчасти прав. Но, как отмечает Е. Вельмезова (с. 76–77), Марр совершенно несправедливо заявлял о том, что до него семантики не было. Много сказано о кризисе в лингвистике начала XX века, на фоне которого возник марризм, и его оценка вполне разумна.

Надо отметить и аккуратность Е. Вельмезовой в передаче фактов, этим ее работа выгодно отличается от ряда публикаций последних лет о Марре, в частности, от статей Б.С. Илизарова [Илизаров 2003; 2004]. Скажем, среди неточностей в датах мы во всей книге нашли только две: «Языкофронт» осенью 1930 г. не был разгромлен, как сказано на с. 224, а только образовался (окончательный разгром этой группы языковедов произошел лишь весной 1933 г.); «Вопросы языкознания» выходят не с декабря (с. 227), а с начала 1952 г. Особо отметим список имен, сделанный очень тщательно, а немногие замеченные ошибки исправлены на дополнительно вложенном листе. Ко всему списку дадим лишь одно уточнение: Е.Г. Spivak (с. 389) – это, безусловно, Эли Гершевич Спивак (1890–1950, арестован в 1949 г.), специалист по языку идиш, живший в Киеве.

При общем хорошем научном уровне книги и высокой научной культуре автора, тем не

менее, хочется поспорить с рядом ее принципиальных положений.

Е. Вельмезова определяет свою задачу как изучение марризма в чисто научном плане, с позиций историка языкознания. Она противопоставляет свой подход (с. 28–29) социологическому исследованию данного феномена, в частности, в книге автора данной рецензии [Алпатов 2004]. Заметим, что ее все же неточно называть, как это делает Е. Вельмезова, единственной за последние десятилетия российской монографией о Марре: в том же 1991 г. и даже несколько раньше вышла и книга М.В. Горбаневского [Горбаневский 1991], на которую Е. Вельмезова изредка ссылается.

Безусловно, и научный, и социологический анализ марризма важен и нужен, хотя марризм, разумеется, почти невозможно изучать в полном отрыве от общественной ситуации в СССР. Кажется, никто еще после 1950 г. не писал о Марре без упоминания выступления Сталина. Постоянно приходится обращаться к социологии науки и к политической истории и Е. Вельмезовой, причем как раз здесь ее подходы и оценки вполне разумны и особых возражений не вызывают. В частности, очень верны не раз встречающиеся в книге слова о том, что идеи Марра соответствовали «воздуху эпохи» (с. 342 и др.). Спорной нам представляется как раз научная оценка Марра и марризма, содержащаяся в книге.

Е. Вельмезова упоминает ряд предшественников, рассматривавших идеи Марра с научной стороны, указывая на книгу Л. Томаса [Thomas 1957], статью В.И. Абаева [Абаев 1960]. Нужно учитывать и двухтомник [Против вульгаризации... 1951–1952], несмотря на его устрашающее название и неровный уровень статей. В данной книге этот сборник оценивается как необъективный (с. 27), но все же Е. Вельмезова всерьез учитывает ряд его разделов, прежде всего, специально посвященную семантике Марра статью В.А. Звегинцева. В нашей книге также рассмотрена и научная проблематика работ Марра, хотя, разумеется, в ней наибольшее внимание сосредоточено на социологическом анализе марризма, который в то время (конец 80-х гг.) был наиболее неразработанной и актуальной проблемой.

Авторы всех этих публикаций оценивали «новое учение о языке», развивавшееся Марром с 1923 г., резко отрицательно, либо отвергая его с начала и до конца, либо (как Абаев) признавая лишь значимость поставленных Марром вопросов, которые он, однако, не сумел разрешить. Никто не считал наследие этого ученого (по крайней мере, времен «но-

вого учения») актуальным. Е. Вельмезова выступает с иной точкой зрения. В книге учение Марра (речь идет почти исключительно о «новом учении», а работы предшествующего периода лишь вскользь упомянуты) рассматривается как «обычное» лингвистическое учение, таким-то образом развивавшееся, имевшее таких-то предшественников и последователей.

Например, в книге много говорится об истоках «нового учения», хорошо показано, как на Марра, безусловно, повлияли и Л. Леви-Брюль, и Александр Н. Веселовский, и школа слов и вещей Х. Шухардта. Видимо, стоило больше сказать о Э. Кассирере, почти не упомянутом в книге; нам также кажется, что Е. Вельмезова преуменьшает влияние на Марра В. фон Гумбольдта и других классиков немецкой философии языка первой половины XIX в., но не это главное. Важно, как у Марра видоизменялись все эти идеи.

Из книги (но больше из приводимого материала, чем из авторских комментариев) видно, что Марр очень часто не изобретал все с нуля. Бралась какая-то уже существовавшая и в первоначальном варианте, во всяком случае, не бредовая идея и доводилась до абсурдных пределов. Так было и со скрещением языков, и с языком жестов, а у Е. Вельмезовой это хорошо показано в отношении энантиосемии (общего происхождения противоположных по значению слов) (с. 170–177) и с функциональным переносом значения (с. 237–248). В обоих случаях и до Марра были известны реальные примеры (скажем, в русском языке *одолжить* для первого явления и *перо* для второго), но Марр подверстывал к ним что угодно и фантазировал как угодно. Как пример функционального переноса ездовых средств (от собаки к лошади) он приводил переход армянского названия собаки в грузинское и русское название коня (пример упомянут на с. 239). Но если даже предположить, что люди когда-то повсеместно перешли от езды на собаках к езде на лошадях и перенесли в разных языках название собаки на название лошади (все это не доказано, но при нынешнем уровне знаний и не опровергнуто), то каким образом для доказательства этого можно привлекать слова разных и во всяком случае не близкородственных языков? Наука времен Марра уже такого не допускала.

Еще пример, также приводимый Е. Вельмезовой (с. 268) и разбиравшийся и до нее. Немецкие слова *Hund* 'собака' и *Hundert* 'сто' Марр считал родственными, выводил следующее семантическое развитие: собака – собака как тотем – множество людей, объединяемых тотемом – все – много – сто [Марр 1933–1937,

II: 391]. Он находил некоторые звенья такого перехода и в других языках, где старался найти связи между названиями племен и словами со значением множества. Однако для него было совершенно не существенно, на каком этапе и каким образом появилось наращение *-ert*. Очевидно, что Марр не исходил здесь из семантики: отправной точкой являлось фонетическое сходство, к которому при богатой фантазии можно было придумать что угодно.

Е. Вельмезова признает и данную этимологию, и многие другие фантастическими (с. 268, 278 и др.). Но одно дело – отдельные неточности, встречающиеся у любого этимолога, другое дело – Марр, у которого трудно найти этимологию, с которой кто-либо согласился. Крупнейший алтаист XX в. Н.Н. Поппе, хорошо знавший Марра и в 20–30-е гг. подлаживавшийся под его учение, спустя много лет, уже живя в Америке, критиковал своего коллегу за то, что тот разобрал одну тюркскую этимологию Марра и отверг: Поппе писал, что этимологии Марра надо не критиковать, а игнорировать [Поппе 1968: 156]. На с. 270 верно отмечено их сходство с народными этимологиями (часто это не сходство, а тождество, скажем, сближение имени *Глеб* со словом *хлеб*).

И так далеко не в одной области этимологии. Е. Вельмезова прямо пишет, что теории Марра в целом «более чем фантастичны» (с. 236), хотя бывает и так, что они пересказываются в книге без комментариев. Можно ли, однако, рассматривать в таком случае «новое учение» так же, как рассматриваются другие научные теории?

Следует, конечно, признать, что Марр был далеко не первым, кто выдвигал теории, не считаясь с фактами или выбирая из моря фактов только то, что ему нужно. Этим грешили и многие повлиявшие на него ученые, особенно Л. Леви-Брюль. Характерно, что этот автор до сих пор популярнее среди неспециалистов, но специалисты считают его взгляды устаревшими. Еще в большей степени к фантастике имели склонность ученые первой половины XIX в., включая самых крупных, и их построения часто напоминали марровские. Скажем, один из первых петербургских профессоров-востоковедов О.И. Сенковский, исходя из звукового сходства слов *лехи* и *лезгинь*, пришел к выводу о том, что польская шляхта – не славяне, а потомки завоевателей – кочевников [Каверин 1966: 25]. А Марр включал лезгин вместе с русскими, этрусками, пеласгами, лазами и др. в число народов, название которых произошло от «диффузного выкрика» РОШ.

Характерно, что Марр, отрицая академическую и университетскую лингвистику свое-

го времени, находился под влиянием либо ученых начала XIX в., когда требования к строгости научных текстов были значительно ниже, чем позже, либо современных ему специалистов в тех науках, где не существовало процедур верификации выдвинутых гипотез (типичный пример – Л. Леви-Брюль). Пожалуй, единственное исключение – Х. Шухардт, но этот ученый как раз спорил со строгим подходом младограмматиков, заменяя его интересными, но не всегда подлававшими в то время проверке идеями. «Свободный полет» мысли академика легче сопрягался с близкими ему по духу, хотя обычно не столь радикальными в своих построениях мыслителями.

Отношение лингвистов разных поколений и взглядов к марровскому учению известно. Ко многим высказываниям Е. Вельмезова добавляет еще одно – цитату из письма А. Мейе 1926 г. неустановленному советскому адресату, найденного ею в архиве: «К сожалению, нужно исходить из фундаментального порока теорий Марра: утверждения, масштабы которых велики, но доказательства которых никогда не представлены. Марр иногда дает иллюстрации своих идей, но никогда не дает их систематические доказательства» (с. 246–247). Очень верно!

От большинства современников Марр отличался не просто подходами, а самими принципами научного мышления. В связи с этим хочется отметить интересные рассуждения Е. Вельмезовой (с. 203–204) о том, как трудно передать по-русски различие французских слов *langue* и *langage* (речь здесь идет не о терминологии Ф. де Соссюра, а об обычных значениях этих слов). Оба слова переводятся как *язык*, но *langue* – конкретный язык, а *langage* – то, что у нас иногда называют *Язык*, *язык вообще* и пр. По мнению Е. Вельмезовой, критики Марра могли путать эти два понятия. Возможно, это и так, но больше всех путал все-таки сам академик. Придумав «новое учение», он думал почти исключительно про *langage*, используя материал разных *langues* в основном для иллюстраций. Но говорить на *langage* нельзя, а Марру все время хотелось так считать. Поэтому у него армянская собака стала грузинским и русским конем, а мордовское слово для коня он членил на русское и китайское слова с тем же значением (с. 214). Абсурд это все-таки, если исходить из реальности! Чтобы это признать, нужно принять идею о том, что все люди знают все языки и свободно переходят с одного на другой.

Е. Вельмезова права, указывая на то, что успех марризма имел не только вненаучные, но и научные причины, а увлеченность им талантливых ученых нельзя объяснять лишь

влиянием конъюнктуры (с. 196 и др.). Он оказался ко времени в том числе и потому, что появился в эпоху, когда многие ученые самых разных специальностей, не удовлетворенные «бескрылым крохоборством» (выражение В.И. Абаева) позитивистской науки, где господствовали эмпиризм, индукция как единственный метод, боязнь обобщений, дробление предмета изучения на мелкие части, стремились построить масштабные и далеко идущие теории, охватывающие многие явления. Верно отмечает Е. Вельмезова и поиски целостного подхода у них. Она находит эти черты, помимо Марра, у О.М. Фрейденберг, М.М. Бахтина, Н.С. Трубецкого, имяславцев (А.Ф. Лосев, П.А. Флоренский), В.И. Вернадского, Л.С. Берга (теория номогенеза), философского холизма. Стоило бы включить в этот ряд и Ф. де Соссюра, который у Е. Вельмезовой им всем скорее противопоставляется.

Все это опять-таки верно. Но если оставить в стороне Фрейденберг, испытавшую прямое влияние Марра, впоследствии преодоленное, и имяславцев, в своей религиозной философии выходивших за пределы науки (Е. Вельмезова отмечает сходство этимологий у Марра и Флоренского (с. 276–277)), то что у этих ученых и философов общего с Марром? Отход от позитивизма, широта постановки вопросов, поиски целостности, – все это верно. Но все они в отличие от Марра, во-первых, профессионально знали свой предмет, во-вторых, умеряли фантазии научными принципами и фактами, поэтому не только ставили вопросы, но и предлагали решения. А Марр ничего удовлетворительно решить не смог.

Вот, например, Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон. Е. Вельмезова критикует их за то, что они отрицательно оценивали, но не анализировали Марра (с. 25). Но Марра они принять не могли, прежде всего, из-за того, что тот не считался с фактами. Последнее было настолько очевидно, что Трубецкому и Якобсон как большим знатокам всех этих фактов не приходило в голову это специально доказывать.

И нельзя всех указанных ученых оценивать одинаково, исходя только из постановки ими тех или иных вопросов. Вернадского признали и почитают не только как геохимика, но и как философа, Берга признают крупным географом, но теория номогенеза в итоге не получила признания, а Марр потерпел в своих построениях неудачу, пусть до конца понятным это стало уже после его смерти.

Конечно, среди сторон марризма, казавшихся привлекательными, был особый интерес к семантике. Но Марр и здесь, как везде, не опирался на факты, а подгонял факты к

своим фантазиям. При массовом недовольстве существовавшим положением дел в семантике, особенно среди молодежи, фантазии выглядели внушительно, но от этого они не перестали быть фантазиями.

Е. Вельмезова также обращает внимание на развитие идей Марра у его последователей – лингвистов или специалистов в смежных проблемах (как Фрейденберг). Она довольно бегло пишет о школе И.И. Мещанинова и гораздо больше о В.И. Абаеве, что правомерно: школа Мещанинова на деле не была по-настоящему семантической и известна лучше, а вот Абаев в данном аспекте очень важен и недооценен. К сожалению, она не успела учесть вышедший совсем недавно однотомник лингвистических трудов Абаева [2006] и не сумела познакомиться с некоторыми его работами, поэтому некоторые ее оценки этого ученого требуют уточнения. Но привлечение внимания иностранного читателя к идеям этого интересного теоретика языкознания заслуживает поддержки.

Однако нам не кажется правомерным сближение идей Марра и Абаева в области семантики. Хотя Абаев был учеником Марра и испытал в начале своей деятельности его влияние, но уже ко времени появления его первых теоретических работ был достаточно от него независим. Уже в докладе 1931 г. и основанной на нем статье 1934 г. «Язык как идеология и язык как техника» [Абаев 2006: 27–44], рассмотренной Е. Вельмезовой, ученый вышел далеко за пределы марризма (например, все, что у него говорится о технической стороне языка, параллелей с Марром не имеет). А позднее (по существу еще до 1950 г.) Абаев преодолел учение своего учителя, что четко отражено в статье [Абаев 1960]. Важное различие между двумя лингвистами упоминает и Е. Вельмезова: она пишет, что у Абаева этимологии большей частью правильные, а у Марра фантастические (с. 278). И уже этим Марр и Абаев попадают в разные категории ученых. Абаев – крупный лингвист, Марр – фантазер, шаман, талантливый (может быть, и гениальный) дилетант, но не лингвист. Точнее, это относится к «новому учению» и предшествующим работам о «третьем этническом элементе», но не, например, к лазской грамматике Марра 1910 г., которую специалисты оценивают высоко. То же можно сказать и про соотношение Марра и Мещанинова (хотя последний дольше Абаева сохранял пережитки влияния Марра).

Справедливо говоря о роли «воздуха эпохи» в успехе марризма, Е. Вельмезова обходит другой вопрос: до какого времени он способствовал марризму. Уже вскоре после смер-

ти Марра начался массовый отход от его идей. А гибель всего течения в языкознании в один день 20 июня 1950 г. нельзя объяснить ни «тоталитаризмом» (универсальная отмычка для многих), ни даже личным авторитетом И. В. Сталина в стране. Если было бы так, после 1956 г. обязательно кто-нибудь начал бы возрождать марризм. Однако ничего подобного, как известно, не было нигде, в том числе и потому, что «воздух эпохи» был другой. И не только в Сталине здесь было дело. Без этого выступления происходил бы тот же отход от Марра, только труднее и дольше.

Конечно, Марр был созвучен эпохе. Конечно, Марр использовал разные идеи предшественников и современников, не всегда бредовые. Конечно, он будил мысль, и серьезные и умные люди прошли через искушение «новым учением». Но от всего этого «новое учение» не становится научной теорией, хотя Марр мог что-то интуитивно предугадывать и прозревать. Роль Марра в развитии советской науки о языке, если отвлечься от всех вненаучных обстоятельств, с ним связанных, чем-то похожа на роль топора в щях, которые варил солдат в известной сказке. Марр ставил интересные вопросы, обращал внимание ученых разных специальностей на нерешенные научные вопросы, в том числе и на вопросы семантики. Но направление Марра оказалось тупиковым, и все его серьезные представители ушли оттуда.

В конце книги Е. Вельмезова пишет, что многие компоненты марризма, «несомненно, повлияли на развитие лингвистики в СССР после смерти Марра, особенно в исследованиях, посвященных семантической реконструкции. Поэтому предстоит еще большая работа, чтобы сравнить то, что кажется несравнимым, чтобы установить соответствия между исследователями и научными течениями, которые на первый взгляд не имеют между собой ничего общего» (с. 348). Нам это влияние не представляется значительным. Можно, разумеется, находить сходство между непохожими друг на друга авторами, включая Марра, в постановке самых общих задач, но нет уверенности в том, что установление этого сходства продуктивно.

Тем не менее, книга Е. Вельмезовой – не единственный (хотя самый серьезный и квалифицированный) пример попыток так или иначе реабилитировать «новое учение о языке», заметно активизировавшихся в послед-

ние годы; об этом мы уже писали [Алпатов 2006]. Возможно, мы имеем дело с новым «воздухом эпохи», при котором многовековые принципы науки Нового времени перестают удовлетворять многих. Тем не менее, мы не видим оснований пересматривать прежнюю оценку: марризм реабилитации не подлежит [Алпатов 2004: 220].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1960 – В.И. Абаев, Н.Я. Марр (1864–1934). К 25-летию со дня смерти // ВЯ. 1960. № 1.
- Абаев 2006 – В.И. Абаев. Статьи по теории и истории языкознания. М., 2006.
- Алпатов 2004 – В.М. Алпатов. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991; 2-е изд., доп. М., 2004.
- Алпатов 2006 – В.М. Алпатов. Актуально ли учение Марра? // ВЯ. 2006. № 1.
- Горбаневский 1991 – М.В. Горбаневский. В начале было слово. Малоизвестные страницы истории советской лингвистики. М., 1991.
- Илизаров 2003 – Б.С. Илизаров. Почетный академик И.В. Сталин против академика Н.Я. Марра. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 3–5.
- Илизаров 2004 – Б.С. Илизаров. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г. // Новая и новейшая история. 2004. № 5.
- Каверин 1966 – В. Каверин. Барон Брамбеус. М., 1966.
- Марр 1933–1937 – Н.Я. Марр. Избранные работы. Т. I–V. М., 1933–1937.
- Против вульгаризации... 1951–1952 – Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Т. 1–2. М., 1951–1952.
- L'Hermitte 1987 – R. L'Hermitte. Marr, Marrisme, Marristes. Une page de l'histoire de la linguistique soviétique. Paris, 1987.
- Poppe 1968 – N. Poppe. Review of: Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente in Neupersischen. V. 3 [Wiesbaden, 1967] // Central Asiatic journal. V. XII. 1968. № 2.
- Thomas 1957 – L.L. Thomas. The linguistic theories of N. Ya. Marr. Berkeley; Los Angeles, 1957.

В.М. Алпатов